

А. ИЗМАЙЛОВ

Непомерные претензии

I

Среди печальных мыслей, какими может вызывать созерцание поэзии последнего дня, могут мелькать некоторые и не лишённые «утешительности» мысли. Техника утончилась до острия меча, и звучность стиха возвысилась до звона меди и мягких переливов серебра. Пьесы сжались и внутренне отвердели, выиграв в экспрессии и красоте, и старые, длинные стихотворения, водянисто-риторические, уступили место властно воцарившейся поэзии мгновений. В то время, как в области драмы и рассказа настроение ещё борется за свои права гражданства, совершая иногда, — нужно это признать, и крупные, и эффектные завоевания, — в области поэзии оно уже царит полновластно. Поэзия все меньше и меньше довольствуется примитивными картинками бытия. Только люди «без созерцающих очей и внимающего слуха» пробавляются ещё этим занятием — изображением голых пейзажей, без психологического параллелизма, без символического соотношения природы и творящей души. Поэзия пошла в глубь и в высоту, и самое стремление её — уловить и запечатлеть самые сокровенные, смутные, неясные и субъективнейшие порывы духа и настроения ума, — нечто во всяком случае многозначительное. Правда, что эти веяния, уяснившиеся теоретически до несомненной безусловности, находят часто слабое, часто ничтожное, часто извращённое осуществление на практике. Только со струн очень немногих слетают аккорды настоящей гармонии. Все остальное редко возвышается над посредственностью и в большей своей части не оставит в литературе никакого следа. Самое преследование новых задач грозит опасностью уродливых крайностей. Хороша искренность, противно ломанье.

Именно в связи с искажением нового приходится поставить оскудение в поэзии искренности. Сколько лягушек стараются надуться до размеров вола! Как ужасно гримасничают некоторые молодые люди! Какие преувеличенно-широкие шаги делают они, взобравшись на свои ходули. В каких жестоких преступлениях они себя обвиняют и в каких глупостях признаются! Плащи Печорина и Чайльд-Гарольда¹ их уже не удовлетворяют, и они претендуют по меньшей мере на мантию демона и общение с суккубами и инкубами, ведьмами и упырями. Среди недурных, часто прочувствованных элегий у них вдруг прорезается дикий и неправдоподобный стон, и если бы кто-нибудь трезвым языком прозы пересказал о них то, что они сами рассказывают о себе в звучных стихах, — они предстали бы в самом деле в освещении каких-то неземных существ, не то вурдалаков, не то сверхчеловеков.

Перед нами два недавно вышедших типичных для момента сборника стихов — «Кормчие звезды. Книга лирики» Вячеслава Иванова и «Стихотворения» (2-й том) И. С. Рукавишников². Типичность авторов в том, что оба они, принадлежа бесспорно к людям литературным, людям с дарованием, видимо, постигшим теоретически запросы поэзии в ее современной постановке, бегущим шаблона и банальщины, — при всем этом являются именно людьми несоразмерных претензий, выразителями нынешней поэтической неискренности, тенденции не к обнаружению общечеловеческих свойств и порывов своей души, которые в силу этого казались бы искренними, но каких-то исключительных тяготений, в одном случае экстатически-созерцательного свойства (Иванов), в другом — приподнято-чувственного и демонически-сверхчеловеческого характера (Рукавишников). Читаешь ту и другую книжку и видишь, что имеешь дело точно не с людьми обычного человеческого устройства, но старающимися показать вид, что они постигли что-то большее, чем дает земля, что их внутреннее око созерцает нечто, чего не видят слепцы земли, что сердце их живет иными необъятными порывами, и их настроения, их печаль, их любовь — что-то, по своей грациозности и яркости, совсем не то, чем являются обычные настроения, печали и любовь простых смертных. Может быть, найдутся люди, которые поверят в избранность этих натур. Может быть, найдется еще большее число читателей, которые закроют книги таких стихов на первом десятке страниц с гримасой неудовольствия. «Словечка в простоте не скажут, — все с ужимкой!» ...³ «Хороший ты парень, как гово-

рит один персонаж у Островского, — а зачем это только ты так ломаешься, к чему ты не от своего ума слова говоришь, важность эту на себя напускаешь!»...⁴

С такою настроенностью Иванова, печатающегося, кстати сказать, в «Вестн. Евр.» и других солидных изданиях⁵, читатель знакомится с первых страниц его изящно изданного и вместительного тома. Его «книга лирики» нечто совсем не похожее на обычные лирические излияния поэтов. Он не спускается со своих высот до тех милых мелочей, которыми живет большинство поэтов, — до воспевания любимой женщины, ее ласк, дум, внушаемых ею, до изображения своей тоски или радости, хотя бы и возникающих на другом фоне.

Его лирика — более лирика ума, созерцающего и куда-то за границу мира проникшего. Все симпатии его где-то в прошлом, в прекрасной Элладе и могучем Риме, и вдохновляют его исключительно сюжеты высокие и торжественные явления мировой жизни. Дух ночи, водящий миры, утренняя и вечерние звезды, небо, ночь, пустыня, творчество, музыка, Эрос, неведомый бог, рок и т. д., — вот предметы воспевания Иванова. Воспевание это производится иногда ясным, понятным и всегда звучным языком, но иногда этот язык сменяется такой абракадаброй, которую смело можно рекомендовать в качестве яркого образчика разнузданной декаденщины и которые могут показаться специальными пародиями, писанными с целями вышучивания декадентства. Вот, например, начало стихотворения «Тишина»:

«Подъем и роздых волн, безличье, безмятежность.
Усталость белая и белая безбрежность,
В тумане чайки крик в жемчужнойзыби — грусть;
Вселенской маске Я прощающее Пусть;
В личине Я — не — Я (и Я емууликой!).
Двойник Я сущего и призрак бледноликий;
Бог, мертвый в гробе Я до третьегоутра;
Покой пролитых слез: крест Зла и крест Добра:
Вы, символы судьбы, стоящей напороге
Могил живущего... и т. д.

Стихотворение — из категории тех, которые можно оборвать, где угодно, как равно и продолжать до бесконечности, с одинаковым результатом — вызов в читателе полнейшего недоумения.

Вот в том же роде стихотворение, озаглавленное «Имени твоему», — на этот раз полностью:

Взгляды,
Что канув,
Назад не вернутся —
Поведать дно
Вихрю души, —
Она-ж схватилась,
Прильнула
К лозе висячей.
Что шепчется с Ужасом, —
Это — ты!
Жизни
Прекрасной
Святое безумье,
Меж бездн и бездн
Реющий рай,
Над мраком облак
Расцветший,
Бег пляски звонкой
По стремям улыбчивым, —
Это — ты!
Вот душа моя,
Дионис!
Тебе горит
Мой пламенник!
Ты веешь —
И он сгорает!»

Сколько таких «стихотворений» таким стихом можно бы написать, если засесть за перо хотя бы на одну неделю! По прочтении двух таких перлов, конечно, не явилось бы желания далее знакомиться с г. Ивановым. Но, конечно, далеко не весь его том сводится к подобным образцам. В нем много стихотворений, обладающих достоинством простоты и ясности, хотя олимпийство автора и его философский мистицизм совершенно изгоняют чисто-лирические в общепринятом понимании мотивы, — то, что, по нашему разумению, представляет высшую прелесть поэзии. В своем парении на высотах автор не только отрешается от содержания новой поэзии, но и от ее языка, и его стихи испещрены самыми прихотливыми эпитетами позапрошлого века. Тут и огнеоружный легион, и влажнокудрый день, и глубинные зевы, и неисчерпно-кипящая

воля, и светлосенные своды, и стопламенный пожар, и пакирожденные чада, и злачные разлоги (?), и стремный край, и стожалые змеи, и среброверхиешатры. В своем искании высокого тона автор иногда вещает совсем державинским слогом:

Единого разноглагольной
Хвалой хвалить ревнует тварь.
Леп, Господи, в Руси бездольной
Твой крест и милостный алтарь!..⁶

Или:

Златопобедной
Диадемой венчан,
Облик заря
Возносит бледный
Над мглой полян...⁷

Иногда от стихов г. Иванова так и повеет еще более давно прошедшими временами — Третьяковским, Ломоносовым или Елизаветой Кульман⁸.

Любо жатвы злакам тучным,
И цветам, и древесам —
Быть с тобою неразлучным,
Воздыхая к небесам...⁹

Или:

Но и в оны веки лира
Псалмопевная царя
Не хвалила Агнца Мира,
Столь всевнятно говоря.
Ибо ты в сем гrome пирном
В буре кликов, слез и хвал
Слиться с воинством эфирным
Человечество созвал...¹⁰

Классически-архаическим стилем отмечена огромная часть стихотворных созерцаний Иванова. Менады, Дионис, Нереиды, Афродита, Парки, Музы, Сивиллы — пестрят строки его стихов. Когда хочет, автор умеет с искусством, — и надо сознаться с огромным, — проникаться духом и стилем старины, в особенности классической. Стих его, в тех случаях, когда он чужд ломоносовского

парения, иногда возвышается до незаурядной красоты. Чувствуется, что из Иванова мог бы выйти положительно замечательный переводчик с греческого и латинского. Его «Laeta», оригинальные письма из Рима в манере овидиевых «Tristia»¹¹, полны прелести, которая не позволит скоро оторваться от них классику. Здесь превосходно схвачен дух римской элегии и эпистолы, и перемежающийся с пентаметром гекзаметр выточен до майковской красоты и музыкальности.

В Риме свои tristia слал с берегов понтийских Овидий.
К Понту из Рима я шлю — Laeta: бессмертным хвала!...¹²

и т. д.

Но не с этих, лучших сторон характерен для нас том стихов Иванова, как знамение времени. В последнем отношении он типичен именно со стороны своих недостатков, как отметка уклонения большинства современных поэтов от своей прямой, вековечной задачи — искреннего и бесхитростного изнесения души на суд человека. Какая-то искусственная претенциозность выступает вместо этой черты, так заставляющей любить Шиллеров, Пушкиных, Лермонтовых. Сознавшая прелесть простоты и правды, поэзия точно опять думает видеть свои права на успех в выкрутасах, ходульности, напускании на себя каких-то исключительных настроений. В поэзии возрождается стиль рококо, и прелестная простота уступает место прихотливым вычурам и капризным разводам. В результате — полная холодность читателя к поэту. Во всей «книге лирики» Иванова, которой мы уделили столько места именно потому, что она ярко выразительна для момента, — нет ни одной вещицы, которая бы тронула душу. Это все — прихотливые изгибы ума. Лучший ли результат получается тогда, когда выступают не хитро надуманные философские созерцания, а претенциозные выкрутасы чувства, — мы увидим, обратясь к книге стихов Рукавишникова.

1903

